

Оскар УАЙЛЬД
ПОРТРЕТ
ДОРИАНА
ГРЕЯ

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Уайльд О.

Портрет Дориана Грея / О. Уайльд — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

«Портрет Дориана Грея» - самый известный роман великого ирландского философа, писателя и поэта Оскара Уайльда (англ. Oscar Wilde, 1854-1900).

***Бэзил Холлуорд пишет портрет золотоволосого красавца Дориана Грея. Любуясь полотном, неосторожный юноша выражает желание стариться лишь на картине, вечно оставаясь молодым. Оскара Уайльда называют «принцем Парадоксов» - игру ума и невероятную отточенность мысли он доводил до совершенства в каждой из написанных им пьес.

© Уайльд О.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Оскар Уайльд

Портрет Дориана Грея

Предисловие

Художник – человек, создающий прекрасное. Задача искусства состоит в том, чтобы показать себя и спрятать художника. Критик – человек, который может по-новому отразить свои впечатления от прекрасного. Высокой и, в то же время, самой бездарной формой критики является автобиография. Люди, которые находят отвратительные значения в прекрасном испорчены. У них самих не осталось ничего прекрасного. Это ужасно.

Те, кто видит в прекрасном только прекрасное – избранные. У них есть надежда. Они одни из немногих, для кого прекрасные вещи означают красоту.

Нет моральных или аморальных книг. Есть хорошо написанные книги, а есть плохо написанные книги. Вот и все.

В XIX столетии людям не нравится реализм, он делает их злыми как Калибан, когда тот видит свое лицо в зеркале.

В XIX столетии людям не нравится романтизм, он делает их злыми как Калибан, когда тот не видит своего лица в зеркале. Мораль человека – это часть работы художника, однако мораль искусства заключается в совершенном использовании несовершенных средств. Художник не хочет ничего доказывать. Даже вещи, которые очень легко доказать. Художник не имеет симпатий в сфере этики. Они приводят к недопустимой манерности стиля. Художник не воспринимает вещи болезненно. Он способен выразить все что угодно. Для художника мысль и язык – рабочий материал. Музыка является прототипом всех искусств с точки зрения формы. Актерская игра – с точки зрения чувств. Любое искусство одновременно лежит на поверхности и таит в себе символ. Те, кто пытаются углубиться в него, рискуют. Те, кто находят символ, также рискуют. На самом деле, искусство отражает зрителя, а не жизнь. Когда произведение искусства вызывает разные мнения, это значит, что это произведение новое, сложное и нужное. Пока критики спорят, художник находится в согласии с самим собой. Мы терпим человека, который сделал что-то полезное, пока она не начинает этим увлекаться. Мы терпим людей, которые делают что-то бесполезное, потому что они очень этим увлекаются.

Искусство, по сути, бесполезно.

Оскар Уайльд

Глава 1

Мастерскую художника наполнял чудесный запах роз, а когда легкий летний ветерок проникал через открытые двери, он приносил с собой из сада насыщенный аромат сирени или легкие нотки тернового цвета. Лорд Генри Уоттон по привычке лежал на персидском диване и одну за другой курил сигареты. Отсюда он мог поймать взглядом блики солнца на золотисто-медовом цвете ивняка, хрупкие ветви которого чуть держали на себе такую красоту, на шелковых портьерах, что закрывали огромное окно, время от времени появлялись странные тени птиц, которые пролетали мимо. Возникало впечатление, что портьеры японские. Это заставляло его задуматься о нефритово-бледных японских художниках, которые пытаются средствами неизменно статичного искусства воспроизвести движение и скорость. Мрачное гудение пчел, которые пробивали себе путь сквозь некошеную траву, или просто настойчиво кружили вокруг цветов в саду, делало тишину невыносимой. Глухой шум Лондона звучал будто орган. На мольберте посреди комнаты стоял портрет невероятно красивого юноши в полный рост, а всего в нескольких шагах перед ним сидел, собственно, автор, Бэзил Голуорд, который несколько лет назад неожиданно исчез, заставив общественность заговорить о себе и придумать самые разнообразные версии событий.

Когда художник смотрел на то, как удачно он сумел отразить красоту и грацию на своем творении, довольная улыбка не оставляла его лица. И вдруг он вскочил, закрыл глаза и прижал пальцами веки, будто в попытке замкнуть в голове сон, от которого он так боялся проснуться.

– Это твоя лучшая картина, Бэзил, лучшее из того, что ты когда-либо делал, – лениво пробормотал лорд Генри. – Ты просто обязан выставить ее в галерее Гросвенор в следующем году. Академия искусств великовата и слишком банальна. Когда бы я туда не пришел, там или так много людей, что я не в состоянии посмотреть на картины, что просто ужасно, или так много картин, что мне некогда смотреть на людей, а это еще хуже. Так что Гросвенор это единственное подходящее место.

– Не думаю, что ее стоит выставлять где-либо, – ответил он и причудливо откинул назад голову, в Оксфорде за это движение друзья смеялись над ним. – Я не буду ее нигде выставлять.

Лорд Генри поднял брови и удивленно посмотрел на него сквозь причудливые облака дыма, которые выделяла его сигарета с опиумом.

– Нигде не выставлять? Друг, почему? У тебя есть на это какие-то причины? Какие же вы, художники, все же, чудаки. Вы идете на все, чтобы заработать репутацию. А только заработав ее, делаете все, чтобы от нее избавиться. Ты делаешь глупость, ведь хуже, чем когда о тебе говорят, бывает только когда о тебе не говорят. Такой портрет возвысил бы тебя над всеми молодыми художниками и заставил старых лопнуть от зависти, конечно, если у них еще остались эмоции.

– Я знаю, тебе это покажется смешным, – ответил он, – но я действительно не могу выставлять его. Я вложил в него слишком большую частичку себя.

Лорд Генри протянулся на диване и захохотал.

– Именно этого я и ожидал, не имеет значения, все равно так оно и есть.

– Слишком большую частичку себя! Честное слово, Бэзил, я и не знал, что ты такой напыщенный, я действительно не могу найти ничего общего между твоим грубым, сильным лицом, твоими черными как смоль кудрявыми волосами и этим юным Адонисом, который, кажется, изваян из слоновой кости и лепестков роз. Действительно, дорогой Бэзил, он же Нарцисс, а ты – нет, ну у тебя, конечно, умное выражение лица и тому подобное. Но красота, настоящая красота заканчивается там, где начинается умное выражение лица. Сам по себе ум – это форма преувеличения, поэтому он разрушает гармонию любого лица. Тотчас, когда человек о чем-то задумывается, его лицо превращается в сплошной нос, сплошной лоб или еще какой-то ужас.

Посмотри на людей, достигших успеха в умственной работе. Ну они же абсолютно гадкие! Единственное исключение это, конечно, церковь. Но в церкви им не надо думать. Епископ в восемьдесят лет говорит то же самое, что ему сказали говорить, когда ему было восемнадцать, и поэтому вполне естественно, что он прекрасно выглядит. Твой загадочный юный друг, чье имя ты упорно не желаешь мне говорить, и чей портрет меня действительно захватывает, никогда не думает. Я полностью в этом уверен. Он некое волшебное безмозглое создание, которое следует иметь при себе зимой, когда нет цветов, чтобы порадовать глаз, и летом, когда нужно что-то, чтобы расслабить ум. Не стоит себе льстить, ты на него и близко не похож.

– Гарри, ты меня не понимаешь, – ответил художник. – Конечно, я на него не похож. Я это прекрасно знаю. На самом деле, мне было бы обидно быть таким как он. Почему ты пожимаешь плечами? Я говорю это серьезно. Людей, которые так отличаются физически или умственно, преследуют несчастья, именно те несчастья, которые на протяжении всей истории ставят королей на колени. Лучше не отличаться от других. Дураки и уроды живут лучше всех. Они могут спокойно сидеть сложа руки. Они не знают вкуса побед, но и поражений никогда не испытают. Они живут так, как следовало бы жить нам всем: их ничто не беспокоит, они нейтральны, и главное, в их жизни нет тревог. Они не разрушают чужие жизни и не получают зла в ответ. Твой статус и богатство, Гарри, мой ум, каким бы он ни был, но все же, мои картины, чего бы они не стоили, красота Дориана Грея – за все, что подарил нам Господь нам придется страдать, очень сильно страдать.

– Дориан Грей? Так вот как его зовут? – Спросил лорд Генри подходя к Бэзилу Голуорду.

– Да, это его имя. Я не хотел тебе говорить.

– А почему было не сказать?

– Я не знаю, как это объяснить. Если человек мне нравится, я никогда никому не говорю его имя. Это как отдать его частичку. Со временем я полюбил таинственность. Кажется, это единственное, что может сделать нашу жизнь загадочной и волшебной. Наиболее обыденная вещь может стать прекрасной, стоит только скрыть ее. Покидая город, я никогда не рассказываю своим близким, куда направляюсь. Иначе, я не получал бы от этого никакого удовольствия. Могу сказать, что это плохая привычка, но, странным образом, она придает жизни романтики. Ты, наверное, считаешь меня полным дураком из-за этого, не так ли?

– Нисколько, – ответил лорд Генри, – нисколько, дорогой Бэзил. Ты, кажется, забыл, что я женат, а одна из прелестей семейной жизни заключается в том, что она делает обман необходимым для обоих. Я никогда не знаю, где моя жена, а она и понятия не имеет, чем я занимаюсь. Когда мы встречаемся, а это приходится делать время от времени, чтобы вместе пообедать или посетить герцога, мы рассказываем друг другу полную чушь с невозмутимым видом. У моей жены это получается просто замечательно, честно говоря, даже лучше, чем у меня. Она никогда не путается в своих рассказах, а вот со мной такое случается всегда. Однако, когда она выводит меня на чистую воду, то не устраивает ссор. Иногда мне даже хотелось бы этого, но она просто смеется надо мной.

– Я не люблю, когда ты так говоришь о супружеской жизни, Гарри, – сказал Бэзил Голуорд, направляясь к двери в сад. – Я считаю, что ты замечательный муж, но ты почему-то упорно стесняешься своих добродетелей. Ты необычный человек. От тебя не услышать моральных слов, но и не дожидаться аморальных поступков. Весь твой цинизм – это просто игра на публику.

– Быть естественным это наиболее бездарная игра на публику, – со слезами смеха на глазах сказал лорд Генри, когда юноши вышли в сад и присели на бамбуковую скамью, стоявшую в тени высокого лавра. Солнечные лучи пробивались сквозь гладкие листья. В траве дрожали белые маргаритки. Через некоторое время, лорд Генри достал часы.

– Боюсь, мне пора идти, Бэзил, – пробормотал он, – но перед тем как я уйду ты должен ответить на мой вопрос.

– Какой именно? – Спросил художник, не поднимая взгляд от земли.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я.

– Да нет, Гарри.

– Что ж, я повторюсь. Я хочу, чтобы ты объяснил, почему ты не собираешься выставлять портрет Дориана Грея. Я хочу узнать настоящую причину.

– Я уже рассказал тебе настоящую причину.

– Нет, ты сказал, что вложил слишком большую частичку себя в портрет. Не будь ребенком.

– Гарри, – сказал Бэзил Голуорд, глядя ему прямо в глаза, – любой портрет, написанный с чувством – это портрет художника, а не натурщика. Натурщик это лишь случайность. Это не его художник отражает на холсте, а скорее самого себя. Причина, по которой я не буду выставлять эту картину, заключается в том, что я боюсь, что раскрыл на ней тайну собственной души.

– И что же это за тайна такая? – С улыбкой спросил лорд Генри.

– Я расскажу, – смущенно ответил Голуорд.

– Я само внимание, Бэзил, – продолжил его компаньон, не сводя с него глаз.

– На самом деле, здесь нечего долго рассказывать, – ответил художник, – боюсь, ты вряд ли поймешь меня. Вполне возможно, даже не поверишь.

Лорд Генри улыбнулся, наклонился, чтобы сорвать маргаритку с розовыми лепестками и начал рассматривать ее.

– Я уверен, что смогу это понять, – ответил он, внимательно глядя на маленький золотистый диск. – А что до веры, то я могу поверить во что угодно при условии, что это достаточно невероятно.

Ветерок пошевелил цвет деревьев, и звездочки цвета сирени наконец встревожили застывший воздух. В траве вблизи стены трещал попрыгунчик, а мимо, будто голубя нить, на своих кисейных крыльях пролетала бабка. Казалось, лорд Генри слышал, как бьется сердце Бэзила Голуорда. Его интересовало, что же будет дальше.

– Дело вот в чем, – сказал художник через несколько минут. Два месяца назад я посетил прием у леди Брэндон. Ты же знаешь, нам, бедным художникам, приходится время от времени появляться на людях, чтобы не создавалось впечатление, будто мы дикари какие-то. Я был в вечернем пальто и белом галстуке, которые, как ты когда-то говорил мне, могут даже биржевому брокеру придать вид приличного человека. После десяти минут разговоров со многими нарядными вдовами и скучными академиками, я почувствовал на себе чей-то взгляд. Я оглянулся и впервые увидел Дориана Грея. Когда мы встретились взглядами, я почувствовал, как бледнею. Меня охватило странное чувство страха. Я понял, что встретил того, чья личность настолько захватывающая, что если я позволю этому случиться, она может поглотить всю мою природу, мою душу и само мое искусство. Ты же знаешь, Гарри, насколько у меня независимый характер. Я всегда был сам себе хозяин, по крайней мере, пока не встретил Дориана Грея. Затем, не знаю, как это объяснить. Что-то подсказывало мне, что я на пороге страшного кризиса в моей жизни. Я чувствовал, что судьба приготовила для меня удивительные радости и невыносимую боль. Я испугался и отвернулся, чтобы уйти из комнаты. Я это сделал не из соображений здравого смысла, а скорее из трусости. Я считаю, что попытка убежать не делает мне чести.

– Здравый смысл это то же самое, что и трусость, Бэзил. «Здравый смысл» просто лучше звучит. Вот и все.

– Я в это не верю, Гарри. Я не думаю, что ты и сам веришь в это. В конце концов, какие бы мотивы не двигали мной в тот момент, а это могла быть и гордость, ведь я очень тщеславен, я отправился к выходу. А там я, конечно, наткнулся на леди Брэндон. Она сразу закричала: «мистер Голуорд, Вы же не собираетесь покинуть нас в такую рань?» Ты же знаешь, какой у нее удивительно резкий голос?

– Да, она настоящая пава во всем, кроме красоты, заметил лорд Генри, нервно разрывая маргаритку своими длинными пальцами.

– Я не мог от нее избавиться. Она знакомила меня с королевскими особами, людьми со звездами и наградами и пожилыми дамами, которые носят огромные тиары и имеют носы, будто у попугая. Она рассказывала обо мне как о своем лучшем друге. Мы встречались лишь однажды до этого, но она решила сделать из меня знаменитость. Видимо, как раз в то время какая-то моя картина имела большой успех, по крайней мере, о ней писали в дешевых газетенках, что для XIX века является образцом бессмертия. Вдруг, я оказался прямо перед юношей, чья личность вызвала во мне такое странное волнение. Мы стояли очень плотно, практически касались друг друга. Наши взгляды снова встретились. С моей стороны это было опрометчиво, но я все же попросил леди Брэндон представить меня ему. В конце концов, возможно, это было не так уж и опрометчиво. Это было просто неизбежно. Мы поговорили бы и без официального знакомства. Я в этом уверен. Затем Дориан говорил мне то же самое. Он также почувствовал, что нам суждено познакомиться.

– А как же леди Брэндон описала этого прекрасного юношу? – Спросил его компаньон. – Я знаю, что она любит рассказывать о своих гостях как можно подробнее. Я помню, как однажды она подвела меня к мужчине в возрасте с угрюмым красным лицом, он был весь в лентах и орденах, и начала в трагической манере нашептывать мне на ухо наиболее пикантные детали о нем. Скорее всего, каждый в комнате прекрасно слышал, что она рассказывала. Я просто сбежал. Я люблю открывать для себя людей самостоятельно. А леди Брэндон относится к своим гостям, как аукционист относится к своим лотам. Она или рассказывает о них абсолютно все, или рассказывает все, кроме того, что действительно хотелось бы услышать.

– Ты слишком строго относишься к бедной леди Брэндон, Гарри! – сказал Голуорд в безразличном тоне.

– Дорогой мой, она хотела устроить у себя салон, а смогла сделать только ресторан. И как мне после этого ею восхищаться? Расскажи лучше, что она говорила о Дориане Грее?

– Что-то вроде «Замечательный мальчик – мы с его мамой лучшие подруги. Вылетело из головы, чем он занимается, боюсь, ничем, постойте, он играет на пианино или на скрипке, дорогой мистер Грей?» Ни один из нас не мог сдержать смех, и мы сразу же стали друзьями.

– Смех – это далеко не худшее начало дружбы и точно лучшее ее окончание, – отметил юный лорд, сорвав еще одну маргаритку.

Голуорд покачал головой:

– Ты не понимаешь, что такое дружба, Гарри, – пробормотал он, – или что такое вражда, а это важно. Ты такой же, как и все, то есть безразличный ко всем.

– Это ужасно несправедливо с твоей стороны! – Возмутился лорд Генри, сдвинув шляпу на затылок и взглянув на мелкие облака, которые плыли в бирюзовой пустоте летнего неба как кусочки шелка. – Да, очень несправедливо. Я четко различаю людей. Я выбираю друзей за их красоту, знакомых – за хороший характер, а врагов – за ум. Нельзя быть слишком осторожным выбирая врагов. Среди моих, например, нет ни одного дурака. Все они достаточно умны, чтобы оценить меня по достоинству. Пожалуй, это слишком высокомерно с моей стороны. Я высокомерен, правда?

– Я должен был бы согласиться, Гарри. Однако, согласно твоей классификации, я должен быть просто знакомым.

– Мой дорогой Бэзил, ты для меня гораздо больше, чем просто знакомый.

– И гораздо меньше, чем друг. Кто-то вроде брата, я прав?

– Братья! Мне нет дела до братьев. Мой старший брат не умрет, а младшие только тем и занимаются.

– Гарри! – Воскликнул Голуорд, нахмутив брови.

– Я шучу, друг. Но мне противны окружающие. Я ничего не могу с этим поделать. Думаю, это потому, что мы не можем терпеть людей с теми же недостатками, что и у нас. Я вполне понимаю гнев англичан из-за того, что они называют грехами высших слоев. Широкая общественность чувствует, что пьянка, тупость и безнравственность должны принадлежать только ей, и когда кто-то из нас попадает в неприятную историю, они расценивают это как посягательство на их права. Было просто удивительно наблюдать их возмущение, когда бедняга Сауварк разводился с женой в суде. И все же, я не думаю, что хотя бы десятая часть рабочих живет безгрешно.

– Я не верю ни единому слову из того, что ты только что сказал. Кроме того, Гарри, я чувствую, что ты и сам во все это не веришь.

Лорд Генри погладил острую бородку и постучал тростью из черного дерева по подошве кожаного ботинка. – Как же это по-английски, Бэзил! Ты уже второй раз обращаешь на это внимание. Если кто-то выскажет идею перед настоящим англичанином, а это всегда опрометчивый поступок, тому и в голову не придет подумать, верна ли эта идея, или, возможно, ошибочна. Единственное, что имеет для него значение, верит ли этот кто-то в то, что он говорит. Смотри, значимость идеи никоим образом не связана с искренностью того, кто ее высказывает. На самом деле, есть большая вероятность того, что чем менее этот человек искренен, тем более интеллектуальной будет эта идея, поскольку на нее не повлияют потребности, желания или предубеждения этого лица. В конце концов, я не хочу обсуждать с тобой политику, социологию или метафизику. Я люблю личности больше, чем принципы, а больше всего я люблю личности без принципов. Расскажи мне еще о Дориане Грее. Как часто вы видитесь?

– Каждый день. Если бы я не видел его каждый день, в моей жизни не было бы счастья. Он мне необходим.

– Это невероятно! Я думал, что кроме твоего искусства, тебя ничто не интересует.

– Теперь он стал для меня моим искусством, – мрачно сказал художник. – Иногда я думаю, Гарри, что в истории мира бывает только два важных события. Первое – это появление нового средства искусства, а второе – появление новой личности в искусстве. Однажды Дориан Грей станет для меня тем, чем для Венеции стала живопись масляными красками, или чем лицо Антиноя стало для скульптуры античной Греции. Я не просто рисую его, делаю эскизы. Без сомнения, я этим занимаюсь. Но для меня он гораздо больше, чем просто модель или натурщик. Я не могу сказать, что я не доволен своей работой, или что живопись не может передать его красоту. Нет ничего, что не могла бы передать живопись. И я знаю, что картины, которые я написал с тех пор, как встретил Дориана Грея, хорошие, лучшие за всю мою жизнь. Но каким-то странным образом, даже не знаю, поймешь ли ты меня, его личность открыла передо мной совершенно новую модель искусства. Я вижу вещи иначе, я осмысливаю их иначе. Я теперь могу воссоздать мир способом, о котором раньше и не догадывался. «Мечта о форме в царстве мысли» – кто это сказал? Неважно, это именно то, чем стал для меня Дориан Грей. Одно только присутствие этого парня, для меня он уже более чем парень, хотя ему всего лишь немного за двадцать, одно только его присутствие, эх! Не знаю, сможешь ли ты понять всю значимость этого. Где-то на подсознательном уровне он указывает мне направление новой школы – школы, которая соединит в себе страсть романтизма и совершенство греческого стиля. Гармония души и тела – вот что это значит! Мы разделили их в порыве безумия и, как следствие, создали вульгарный реализм и пустой идеализм. Гарри! Если бы ты только знал, что для меня значит Дориан Грей! Помнишь мой пейзаж, за который Агню предлагал мне довольно таки кругленькую сумму, но я решил не расставаться с ним? Это одна из моих лучших картин. А знаешь, почему? Потому что когда я писал ее, рядом сидел Дориан Грей. Он передавал мне незримую силу, благодаря которой я наконец-то увидел в обычном лесу удивительную красоту, которую всегда искал, но она избегала моего взгляда.

– Бэзил, это невероятно! Я должен встретиться с Дорианом Греем.

Голуорд встал и прошелся садом. Через некоторое время он вернулся. Он сказал:

– Гарри, для меня Дориан Грей это просто источник вдохновения. Ты можешь и не найти в нем ничего примечательного. Для меня же он особенный. Он наиболее присутствует в тех моих картинах, на которых нет его изображения. Как я уже говорил, он указывает мне новое направление. Я вижу его в определенном изгибе линий, в красоте и нежности определенных цветов. Вот и все.

– Почему же ты не хочешь выставлять его портрет? – Спросил лорд Генри.

– Потому что я неумышленно выразил в нем это свое странное идолопоклонство, о котором я, конечно же, никогда не рассказывал Дориану Грею. Он не знает об этом. И никогда не должен узнать. Но люди могут догадаться, а я не хочу открывать душу перед их любопытными глазами. Я не позволю рассматривать собственное сердце под микроскопом. На портрете слишком много меня, Гарри, слишком много меня!

– Даже поэты не так щепетильны как ты. Они знают, что истории разбитых сердец хорошо подходят для публикации. Сейчас их выдают валом.

– Я презираю их за это, – взорвался Голуорд. Художник должен создавать прекрасные вещи, но не вкладывать в них свою жизнь. В наше время люди так относятся к искусству, как будто оно предназначено быть разновидностью автобиографии. Мы потеряли ощущение абстрактной красоты. Когда-нибудь я покажу миру, что это такое, и именно по этой причине мир не должен увидеть мой портрет Дориана Грея.

– Я думаю ты не прав, Бэзил, но я не стану с тобой спорить. Только люди скудного ума прибегают к спорам. Лучше скажи, Дориан Грей увлечен тобой?

Художник задумался на несколько мгновений.

– Я нравлюсь ему, – ответил он после паузы. – Я это знаю. Конечно, я говорю ему огромное количество комплиментов. Каким-то непонятным образом мне нравится говорить ему вещи, которые, я знаю, не следовало бы говорить. Он, как правило, приветлив со мной, мы сидим в мастерской и разговариваем обо всем на свете. Однако, время от времени он ведет себя бездумно и, кажется, ему даже нравится причинять мне боль. В такие моменты я чувствую, что отдал свою душу человеку, который обращается с ней как будто с цветком, который можно прицепить на пиджак, будто с украшением, которым он тешит свое тщеславие летним днем.

– Летние дни медленно проходят, Бэзил, – пробормотал лорд Генри. – Возможно, тебе это надоест раньше, чем ему. Это печальная мысль, но гений, несомненно, живет дольше, чем красота. Об этом свидетельствует тот факт, что мы прилагаем усилия, чтобы получить как можно более обширное образование. В безумной борьбе за существование мы хотим обладать чем-то, что будет оставаться неизменным, поэтому мы забиваем свои головы разным мусором и фактами в отчаянной надежде сохранить место под солнцем. Современный идеал – всесторонне образованный человек. А сознание всесторонне образованного человека это ужасная вещь. Это как антикварная лавка, где полно пыли и чудовищ, а цены на все завышены. Несмотря ни на что, я думаю, тебе первому надоест. Однажды ты согласишься на своего друга, и он будет казаться тебе несколько неподходящим, чтобы писать с него картину, или тебе не понравится цвет его кожи, или что-то в этом роде. Ты с горечью пересмотришь отношение своего сердца к нему, и поймешь, что он вел себя плохо по отношению к тебе. В следующий раз, когда он появится, ты будешь сухим и безразличным к нему. Жаль, что это произойдет, ведь это тебя изменит. Твой рассказ окутан романтикой, я бы назвал ее романтикой искусства, но хуже всего то, что когда она покидает человека, то от нее не остается ни малейшего следа.

– Гарри, не надо так говорить. Пока я жив, личность Дориана Грея будет владеть мной. Ты не сможешь почувствовать то, что чувствую я. Ты слишком изменчив для этого.

– Эх, дорогой Бэзил, именно поэтому я и смогу почувствовать это. Преданные люди видят банальную сторону любви, а вот предатели способны познать ее трагедию.

Лорд Генри закурил с таким самоуверенным и довольным видом, будто рассказал обо всем мире одним предложением. В ивовых ветках суетились воробьи, а тени от облаков пролетали над травой, будто ласточки. Как же хорошо было в саду! И как же приятно было чувствовать эмоции людей. Эмоции казались ему гораздо приятнее, чем идеи. Наиболее интересными вещами в жизни он считал свою душу и страсти друзей. Он с тихим восторгом представлял скучный обед, который он пропустил, потому что так задержался у Бэзила Голуорда. Если бы он пошел к своей тете, то непременно встретил бы там лорда Гудбоя и они говорили бы только о том, что нужно помогать бедным и о важности аренды жилья. Богачи говорили бы о необходимости экономить и соревновались бы в красноречии на тему достоинства труда. Избежать всего этого было настоящим счастьем! Пока он думал о своей тете, к нему пришла одна мысль. Он повернулся к Голуорду и сказал:

– Дорогой мой, я только что вспомнил.

– Что ты только что вспомнил, Гарри?

– Где я слышал имя Дориана Грея.

– И где же это? – Спросил Голуорд, несколько нахмурившись.

– Не надо сердиться, Бэзил. Это было у моей тети, леди Агаты. Она рассказала мне, что познакомилась с замечательным юношей, который согласился помогать ей в Ист-Энде, и его зовут Дориан Грей. Должен сказать, она ничего не говорила о его красоте. Женщины не знают толк в красоте, по крайней мере, хорошие женщины. Она говорила, что он очень искренний и имеет прекрасный характер. Я сразу представил покрытое веснушками создание в очках, с редкими волосами, которое громко топает своими длинными ногами. Мне следовало бы знать, что это твой друг.

– Я рад, что ты этого не знал, Гарри.

– Почему?

– Я не хочу, чтобы ты его встретил.

– Ты не хочешь, чтобы я его встретил?

– Нет.

– Мистер Грей в мастерской, – сказал дворецкий, войдя в сад.

– Теперь тебе придется представить меня ему, – сквозь смех сказал лорд Генри.

Художник вернулся к своему слуге, который стоял и щурился от солнца:

– Попроси мистера Грея подождать. Я подойду через несколько минут.

Дворецкий поклонился и пошел по тропинке к дому. Затем он посмотрел на лорда Генри.

– Дориан Грей – мой близкий друг, – сказал он. – У него простой и замечательный характер. Твоя тетя была права по отношению к нему. Не надо его портить. Не пытайся повлиять на него. Твое влияние не пойдет ему на пользу. Мир велик, и в нем есть много прекрасных людей. Не надо отнимать у меня единственного человека, который придает очарование моим произведениям – моя жизнь как художника зависит от него. Помни, Гарри, я тебе доверяю. – Он говорил очень медленно, будто слова вырывались наружу вопреки его воле.

– Какую же чушь ты несешь! – С улыбкой сказал лорд Генри, взял Голуорда под руку и почти силой повел к дому.

Глава 2

Войдя в мастерскую, они увидели Дориана Грея. Он сидел за пианино спиной к ним и листал страницы «Лесных пейзажей» Шумана.

– Ты должен одолжить мне их, Бэзил, – не удержался он. – Я хочу их изучить. Они просто невероятно очаровательны.

– Это полностью зависит от того, как ты будешь сегодня позировать, Дориан.

– Мне уже надоело позировать, я не хочу иметь собственный портрет, написание которого уйдет целая жизнь, – ответил юноша, своенравно повернувшись на стуле. Заметив лорда Генри, он на мгновение смутился и резко встал.

– Простите, Бэзил, я не знал, что ты не один.

– Дориан, это лорд Генри Уоттон, мой старый оксфордский приятель. Я как раз рассказывал ему, какой замечательный с тебя натурщик, а ты все испортил.

– Однако, это отнюдь не уменьшило моей радости от встречи с Вами, господин Грей, – заверил лорд Генри, сделав шаг вперед и протянув руку. – Моя тетушка часто рассказывает мне о Вас. Вы один из ее любимцев и, боюсь, жертв в то же время.

– Сейчас я в немилости у леди Агаты, – ответил Дориан, приобретая при этом забавно озабоченный вид. – Я пообещал посетить клуб в Вайтчепел вместе с ней в прошлый вторник, а потом мне это просто вылетело из головы. Мы должны были сыграть дуэт, даже три дуэта. Даже не знаю, что она теперь мне скажет. Я очень боюсь попасться ей на глаза.

– О, я это улажу. Она слишком увлекается Вами, чтобы очень сердиться. Кроме того, я не думаю, что Ваше отсутствие действительно сказалось. Публика, скорее всего, решила, что это и был дуэт. Когда тетушка Агата садится за пианино, она способна наделать шума за двоих.

– Это ужасно по отношению к ней, и не слишком приятно по отношению ко мне, – сквозь смех ответил Дориан.

Лорд Генри посмотрел на него. Действительно, его правильной формы насыщенно красные губы, синие, будто небо, глаза и золотое выющиеся волосы делали из него просто невероятного красавца. Было в его лице что-то такое, что вызывало доверие с первого взгляда. На нем отразилась вся безупречность и непорочная страсть молодости. Казалось, он не позволял мирским заботам испортить себя. Неудивительно, что Бэзил Голуорд обожал его.

– Вы слишком хороши, чтобы заниматься благотворительностью, господин Грей, слишком хороши. – С этими словами лорд Генри устроился на диване и открыл свой портсигар.

В этот момент художник смешивал краски и готовил все необходимое. У него был взволнованный вид, а когда он услышал последнюю фразу лорда Генри, взглянул на него, и после кратких раздумий сказал:

– Гарри, я хотел бы закончить работу над этой картиной сегодня. Ты ведь не обидишься, если я попрошу тебя уйти?

Лорд Генри улыбнулся и посмотрел на Дориана Грея.

– Мне уйти, господин Грей? – спросил он.

– Не надо, лорд Генри, пожалуйста. Я вижу, Бэзил в плохом настроении, а я не могу находиться рядом с ним в такие моменты. Кроме того, я хочу, чтобы Вы объяснили, почему же мне не стоит заниматься благотворительностью.

– Даже не знаю, стоит ли мне рассказывать Вам об этом, господин Грей. Это настолько скучная тема, которую приходится обсуждать серьезно. Однако я точно не уйду после того, как Вы попросили меня остаться. Ты на самом деле не против, Бэзил, не так ли? Ты часто говорил, что тебе нравится, когда твоему натурщику есть с кем поболтать.

Голуорд закусил губу.

– Если Дориан так хочет, то, конечно, ты должен остаться. Прихоти Дориана – закон для всех, кроме него самого.

Лорд Генри взял шляпу и перчатки.

– Как бы ты ни настаивал, Бэзил, боюсь, я должен идти. У меня встреча в Орлеанском клубе. Всего хорошего, господин Грей. Приглашаю Вас посетить меня на Карзон Стрит как-то вечером. Я почти всегда дома в пять часов. Напишите мне, когда решите прийти. Мне будет жаль не встретиться с Вами.

– Бэзил, – закричал Дориан Грей, – если лорд Генри уйдет, то и я уйду. От тебя не услышать ни слова, пока ты работаешь, а это очень скучно – стоять на платформе и еще и хорошо при этом выглядеть. Попроси его остаться. Я настаиваю.

– Останься, Гарри, Дориан и я будем перед тобой в долгу, – сказал Голуорд, глядя на свою картину. – Я действительно никогда не разговариваю, да и не слушаю, пока пишу картины, и это, видимо несносно утомляет моих несчастных натурщиков. Умоляю, останься.

– А как же моя встреча в Орлеанском клубе?

Художник засмеялся.

– Не думаю, что у тебя из-за этого возникнут сложности. Садись, Гарри. А теперь, Дориан, становись на платформу. Постарайся не двигаться и не обращать внимания на то, что говорит лорд Генри. Он очень плохо влияет на всех своих друзей кроме, разве что, меня.

Дориан Грей ступил на платформу с видом юного греческого мученика и разочарованно посмотрел на лорда Генри, который ему достаточно понравился. Он был так непохож на Бэзила. Они создавали приятный контраст. И у него был такой волшебный голос. Через несколько минут он обратился к нему:

– Вы действительно очень плохо влияете на людей, лорд Генри? Бэзил прав?

– Не существует такой вещи, как плохое влияние. Любое влияние – это аморально. Аморально с научной точки зрения.

– Почему же?

– Потому что влиять на человека означает навязывать ему свою душу. Этот человек больше не имеет собственных мыслей и страстей. Его добродетели больше не настоящие. Грехи, если все же существует такая вещь как грехи, одолженные. Он становится эхом чужой музыки, актером, который играет роль, написанную не для него. Смысл жизни заключается в самосовершенствовании. Каждый из нас здесь для того, чтобы полностью понять собственную природу. В наше время, люди боятся самих себя. Они забыли о самой главной из обязанностей – обязанности перед самим собой. Конечно, они милосердны. Они кормят голодных и помогают нуждающимся. В то же время, их собственные души голодны и беспомощны. Наша раса потеряла смелость. А возможно, ее у нас никогда и не было. Страх перед обществом, на котором базируется мораль и страх перед Богом, который является основой для религии, – вот две вещи, которые управляют нами. Но...

– Поверни голову немного вправо, Дориан, будь хорошим мальчиком, – сказал художник. Он был погружен в свою работу и обратил внимание лишь на то, что он раньше никогда не видел такого выражения на лице юноши.

– Однако, – продолжил лорд Генри, сопровождая свой низкий голос, звучавший будто музыка, характерным взмахом рук, который отличал его от других еще со времен учебы в Итоне, – я считаю, что если бы хоть один человек смог прожить свою жизнь целиком и полностью смог почувствовать каждое чувство, выразить каждую мысль и осуществить каждую мечту, то мир получил бы такой огромный заряд радости, что мы смогли бы забыть о чуме средневековья и вернуться к эллинистическому идеалу, или, возможно, даже к чему-то лучшему и более высокому, чем эллинистический идеал. И самые смелые из нас боятся самих себя. То, что осталось у нас от дикарей, отчаянно пытается выжить, несмотря на отказы самим себе, которые разрушают наши жизни. Каждый порыв, который мы сдерживаем, бродит в нашей голове,

отравляя наш разум. Тело грешит, и на этом грех заканчивается, ведь действие – это способ очистки. Ничего не остается на потом, кроме упоминания об удовлетворении или роскоши почувствовать угрызения совести. Единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему. Если же ему сопротивляться, то душу будет разрушать желание того, что она сама себе запретила, жажда к тому, что она с помощью собственных уродливых правил объявила уродливым и неправильным. Говорят, что самые выдающиеся события случаются в голове. Так же и грехи существуют в голове, и только в голове. Да и Вы, господин Грей в вашей цветущей, будто роза, юности уже чувствовали страсти, которые Вас пугали, к Вам приходили мысли, что вызывали у Вас ужас, вы видели сны, одно лишь упоминание о которых заставляет Вас краснеть.

– Подождите! – Воскликнул Дориан Грей, – подождите! Вы запутали меня. Я не знаю что сказать. Я должен что-то Вам ответить, однако не могу подобрать слова. Не говорите ничего. Дайте мне подумать. Точнее, дайте мне попробовать не думать. Он стоял так, с открытыми устами и огнем в глазах, около десяти минут. Как сквозь туман, он видел, что подвергается воздействию чего-то совершенно нового, однако он чувствовал, что источник этого влияния находился внутри него. Те несколько слов, которые сказал ему друг Бэзила, слова, сказанные, без сомнения, случайно, и в которые лорд Генри намеренно вложил парадокс, задели тайную, не встревоженную ранее, струну в его душе. Однако сейчас он чувствовал, как эта струна вибрирует и пробуждает в нем что-то новое.

Подобным образом его тревожила музыка. Музыка часто его тревожила. Однако музыка была непонятна. Она создавала внутри не новый мир, а, скорее, новый хаос. Слова! Всего лишь слова! Как же ужасны они были! Как же понятны, живы и жестоки! От них не было спасения. И в то же время в них была какая-то едва ощутима магия! Казалось, они могли придать форму бесформенным телам и несли в себе музыку, не менее прекрасную, чем звук скрипки или флейты. Просто слова! Разве существовало что-то более реальное, чем слова?

Да. В его юности были вещи, которых он не понимал. Он понял их теперь. Вдруг, его жизнь словно охватило пламя. Казалось, он шел этим пламенем. Почему же он не знал этого раньше?

Лорд Генри смотрел на него с легкой улыбкой. Он точно знал, когда психология требовала молчать. Ему было очень интересно. Его поразило внезапное впечатление, которое произвели его слова. Он вспоминал книгу, которую прочитал, когда ему было шестнадцать и которая открыла ему глаза на многие вещи, которых он не знал до того, и ему было интересно, переживал ли Дориан Грей нечто подобное в тот момент. Он выпустил стрелу вслепую. Неужели она попала в цель? Как же увлекательно было наблюдать за парнем!

Голуорд, тем временем, рисовал в своей смелой манере, которая дарила картине свежесть и нежность и которая в любом искусстве могла появиться только благодаря силе. Он не обращал внимания на тишину.

– Бэзил, я устал стоять, – вдруг пожаловался Дориан Грей. – Мне надо пойти на улицу и посидеть в саду. Здесь слишком душно.

– Мой дорогой друг, прости меня. Когда я рисую, то не могу думать больше ни о чем. Но ты позировал прекрасно как никогда. Ты был абсолютно невозмутим. И я уловил желаемый эффект – полуоткрытый рот и огонь в глазах. Не знаю, что там тебе наговорил Гарри, но он вызвал очаровательное выражение на твоём лице. Видимо, он делал тебе комплименты. Тебе не следует верить ни одному его слову.

– То, что он сказал – точно не комплименты. Наверное, именно поэтому я ему и не верю.

– Вы знаете, что во все это верите, – сказал лорд Генри, направив свой лениво-мечтательный взгляд на него. – Я пойду с Вами в сад. В мастерской невероятно жарко. Бэзил, дай нам чего-то попить, чего-то со льдом и клубникой.

– Конечно, Гарри. Позвони в колокольчик и когда придет Паркер, я скажу, что вам нужно. Мне надо поработать над фоном, так что я присоединюсь к вам позже. Не задерживай Дориана надолго. Я еще никогда не был в такой прекрасной форме, как сегодня. Это будет мой шедевр. Это уже шедевр.

Лорд Генри вышел в сад и нашел там Дориана Грея, который утопил лицо в цветы сирени и жадно упивался их ароматом, будто бы вином. Он подошел ближе и положил руку ему на плечо.

– Вы все делаете правильно, – пробормотал он. Только ощущения могут исцелить душу, и только душа может исцелить ощущения.

Юноша выпрямился и отступил на несколько шагов. На нем не было шляпы, поэтому листва встревожила его мятежные кудри и запутала их позолоченные кончики. В его глазах читался страх, который испытывает человек, если его вдруг разбудить. Его будто высеченные из мрамора ноздри расширились, а скрытое напряжение украло красный цвет его губ и оставило их дрожать.

Именно так, – продолжил лорд Генри, – в этом состоит один из величайших секретов жизни – исцелять душу с помощью ощущений и исцелять ощущения силой души. Вы удивительный. Вы знаете больше, чем Вы думаете, но меньше, чем Вам хотелось бы.

Дориан Грей нахмурился и отвернулся. Ему нравился высокий, грациозный молодой человек, стоявший перед ним, и он ничего не мог с этим поделать. Его романтическое лицо оливкового цвета с несколько усталым выражением вызвало в Дориане Грее интерес. В его низком равнодушном голосе было что-то захватывающее. Даже его холодные белые руки несли в себе очарование. Пока он говорил, они двигались, будто в такт музыке, будто говорили на своем собственном языке. Но он все больше боялся его и чувствовал стыд за свой страх. Почему незнакомец должен открыть ему глаза на самого себя? Он знал Бэзила Голуорда уже несколько месяцев, однако дружба с ним не меняла его. Вдруг в его жизни появился кто-то, кто, кажется, раскрыл перед ним тайну жизни. И все же, чего же тут бояться? Он был уже не школьник. Пугаться было бессмысленно.

– Давайте пойдем присядем где-то в тени, – сказал лорд Генри. – Паркер уже принес напитки, если мы еще немного постоим под солнцем, то это Вас испортит, и Бэзил больше никогда не станет Вас рисовать. Вам действительно следует избегать солнечных ожогов. Это было бы недопустимо.

– Какое это имеет значение? – Со смехом воскликнул Дориан Грей, приседая на скамью на краю сада.

– Это должно иметь огромное значение для Вас, господин Грей.

– Почему же?

– Потому что Вы владеете очарованием молодости, а молодость, это единственная вещь, стоящая того, чтобы ее иметь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.